

Часть 1

Хотя Ёсихико родился и вырос в Киото, городе, богатом на историю, храмы и монастыри, разницу между храмом и монастырём он смог осмыслить лишь в старшей школе.

— Этому ведь учат в младших классах, разве ты не знаешь? — удивился Фудзинами Котаро, с которым они учились вместе с первого класса, а затем объяснил: — Монастыри буддистские, храмы синтоистские. Соответственно и молятся: в монастырях — буддам, в храмах — богам. Что такое «будда» — вопрос запутанный, но если в двух словах, то это слово обозначает много кого, и будды совсем не похожи на японских богов.

Будучи наследником одного довольно крупного сельского храма, он часто говорил с Ёсихико о таких вещах. Разумеется, он рассказывал о почитаемых богах, но также и об исторических зданиях, о глубоком смысле того гравия, которым посыпают территорию храмов, или о том, что красные хакама[□]Хакама - широкие, похожие на юбку шаровары. Красные хакама с белым верхом считаются традиционным облачением жриц Синто., которые носят храмовые жрицы, порой оказываются простыми юбками.

— А ещё в крупных храмах на случай больших толп, обступающих короб для подаяний, под ним проходит конвейерная лента, поэтому есть немалая вероятность, что все твои пожертвования будут автоматически собраны в кучу.

Благодаря таким рассказам Ёсихико словно заглядывал в незнакомый ему мир, поэтому любил слушать этого человека, в котором искренние молитвы у алтаря сочетались с характерными для наследника храма сюрреалистичными мыслями.

После окончания школы Ёсихико, с младших классов игравший в бейсбол, поступил в университет, служащий домом для одной весьма известной команды, а Котаро отправился учиться в Токио, на специальное отделение, где готовят жрецов Синто. Однако они поддерживали дружбу: иногда Котаро приезжал домой, и тогда они вместе обедали, а во время каникул вдвоём куда-нибудь ездили. Даже сейчас, когда оба разменяли третий десяток, ничего не изменилось. Окончив университет, Котаро стал полноправным жрецом, однако вместо того, чтобы вернуться в семейное святилище, устроился послушником в храм Онуси недалеко от дома Ёсихико, и они снова начали видеться почти каждый день, как в школьные времена.

Стояло начало сентября. С утра, по пути на работу, Ёсихико зашёл в храм Онуси, прошёл мимо главного здания, около которого собралось несколько прихожан, по дороге, заведшей его на крутой холм, и помолился перед святилищем, которое называли Дайтенкю.

Из-за того, что это святилище не основное, люди сюда особо не заглядывали, а кроме того, оно посвящалось сразу всем восьми миллионам богов неба и земли, так что у посетителя не было особой причины приходить для молитвы именно сюда. Просто когда-то это святилище часто посещал его дед, и Ёсихико шёл по стопам предка. Однако Ёсихико жил не в семье прихожан и

даже не имел домашнего алтаря, а привычку молиться, сложив перед собой руки, приобрёл под влиянием Котаро и деда. На Новый Год или перед экзаменами, или когда кто-то заболел, он просил богов о помощи, но в отличие от Котаро, искренне верящего в сверхъестественное и честно работающего в храме, для Ёсихико боги оставались лишь способом утешиться.

— ...Простите за то, что я в тот раз пожелал, не подумав...

Вместе с этими словами он, как учил его дед, сделал два поклона, дважды хлопнул в ладоши и поклонился ещё раз. Хоть где-то на задворках сознания Ёсихико и казалось, что он занимается какими-то глупостями, парень вздохнул с облегчением от того, что исполнил задуманное. Как бы там ни было, просьба о прощении — это просто хорошие манеры, пусть даже и не существует богов, способных эту просьбу услышать.

— О, уважаемый послушник, хорошо работаете.

После посещения Дайтенкю, Ёсихико спустился по длинной лестнице под аккомпанемент сверчащих цикад и освещаемый напоминавшим о лете солнцем. Возле павильона для омовений ему на глаза попался работавший метлой Котаро, которого он по пути в святилище не видел.

— ...Слушай, тебя мой сегодняшний вид совсем ни на какие мысли не наводит?

Ответив на шуточные слова Ёсихико, Котаро, не выпуская из рук метлы, обернулся и с недовольным видом посмотрел на собеседника.

— Э? А что, должен был навести? Мне влюбиться следует?

— Я имею в виду, посмотри на мою одежду и подумай, не хочешь ли чего-нибудь сказать.

По длинной лестнице, заставленной с обеих сторон красными фонарями, медленно спускалась группа похожих на туристов людей с фотоаппаратами. Прячась от их взглядов, Котаро затащил Ёсихико за павильон.

Храм Онуси, построенный у западного подножия горы Онуси — старинный комплекс, основанный в середине эпохи Хэйан [□]794 г. н. э. — 1185 г.. Здесь есть красивые ворота и коридоры, выкрашенные красным лаком, а на территории также расположены несколько меньших святилищ. О святынях же главного храма говорят, что их привезли из самого Великого Храма Касуга в Наре. Во многих путеводителях комплекс помечен как достопримечательность, и здесь даже в будние дни немало посетителей.

— По-моему у тебя такая же одежда как и вс...

Но тут Ёсихико ещё раз посмотрел на Котаро и замолк на полуслове.

Если раньше его друг носил характерный для служителей храма светлый костюм из белого халата и простой хакама, то сейчас на нём хакама другого цвета. Ещё вчера она, как и халат, была белой, но сегодня — цвета морской волны.

Добившись, наконец, реакции от Ёсихико, Котаро довольно улыбнулся.

— Я больше не послушник, а гоннеги[□]Гоннеги - низший сан полноправного жреца.. Больше не ученик, а полноценный служитель храма. Жрец. Понял?

— Так это... тебя повысили, что ли? — осторожно поинтересовался Ёсихико, и Котаро утвердительно кивнул.

Совсем скоро после того, как этот статный красноречивый мужчина, ростом выше 175 сантиметров, с коротко стриженными приятными на вид чёрными волосами и обаятельной улыбкой поступил сюда на службу, он снискал огромную популярность среди тётушек и замужних женщин окрестных религиозных семей. Говорили, что о нём хорошо отзывается главный жрец, затем это мнение разделили и остальные служители, а также подрабатывающие здесь жрицы; и в итоге о Котаро заговорили как о подающем надежды новичке. С учётом того, что рост Ёсихико не дотягивал и до 170 см, а его непримечательный внешний вид словно создан оттенять привлекательность Котаро, и в отличие от своего талантливое друга Ёсихико демонстрировал успехи лишь в бейсболе, игнорировать новость о повышении он не мог.

— К-как? Как ты это сделал? У тебя связи есть?

Хоть они и находились в городской черте, но вдали от центра и суеты. Тем не менее, стрёкот не знавших устали цикад раздавался на всей территории храма. От дуновений ветра шелестела листва, сквозь которую пробивалось солнце, а отчего-то взбудоражившийся Ёсихико схватил Котаро за рукав. Что до него самого, то в прошлом году он сразу после выпуска устроился в одну фирму, но уволился уже через полгода и лишь весной наконец-то нашёл подработку, чтобы сводить концы с концами. Семья постоянно одаривает его холодными взглядами, он проводит все дни в чтении журналов с вакансиями, хватаясь за голову, а его друг уже делает карьеру?

— Не оскорбляй меня. Поскольку я закончил университет, то с самого начала был кандидатом в гоннеги. Я просто проходил практическое обучение.

Ёсихико убрал руку, и Котаро поправил воротник. Лишь сейчас Ёсихико заметил: если раньше Котаро носил достаточно старые вещи и постоянно бурчал, что с этим ничего не поделаешь, то теперь его костюм выглядел очень даже ничего.

— Н-но ведь ты всё это время только и делал, что бил в барабаны и играл на флейте!

— Занятия кагурой[□]Кагура (буквально «Божья радость») — ритуальная танцевальная пантомима, сопровождающаяся игрой на барабане и флейте..

— Играл с песком на пустошах...

— Церемония освящения земли.

— И с самого утра заговаривал зубы красивым женщинам!

— А это работа, — непринуждённо ответил Котаро, и Ёсихико посмотрел на него с подозрением.

— С какой стати жрец должен трепаться с женщинами? — с сомнением в голосе спросил Ёсихико, и Котаро протяжно вздохнул.

— Послушай, люди в храме работают, поэтому им следует платить, логично? К тому же здания надо ремонтировать, амулеты и талисманы обновлять, а ещё в году есть не один фестиваль, к которому надо готовиться, и все эти вещи требуют ресурсов.

— Р-ресурсов?..

Котаро сложил пальцы в кольцо, намекая на деньги, чем вызвал недоумённый взгляд Ёсихико. Жрец на его глазах вдруг стал похож на сборщика долгов.

— По этой причине важная часть работы в храме — поддержание отношений с семьями, которые жертвуют нам деньги, и беседы с компаниями-спонсорами, — объяснил Котаро с серьёзным лицом, сложив руки на груди.

Ёсихико смотрел на него ошарашенно. Ему всегда казалось, что друг немного не от мира сего, но, похоже, жизнь закалила его характер.

— Ёсихико, богов нужно уважать и бояться. Их нельзя почитать беспечно. Но есть и не менее важная работа.

Пробивавшееся из-за спины друга поистине летнее солнце слепило глаза. Ёсихико вскинул руку, защищая их, а Котаро объявил:

— Управление храмом — тоже бизнес.

Не выдержав головокружения, Ёсихико закрыл глаза.

— ...С тех пор, как я познакомился с тобой, мой мысленный образ типичного жреца стал каким-то странным...

— Жрецы тоже люди. Мы не питаемся одним лишь святым духом.

— Это-то так, но...

Наверное, это и есть та самая «подноготная». Тот самый мир, который совершенно непонятен стороннему наблюдателю.

— Кстати, а ты зачем сюда пришел? У тебя ведь сегодня поминальная служба? — вдруг спросил Котаро и обернулся, прекращая мести.

Ёсихико так изумился тому, что его друг запомнил дату — даже на мгновение растерялся.

— А-а, она была вчера. Жрец очень спешил, поэтому мы провели её на день раньше.

Первая годовщина смерти деда прошла без особых происшествий. Хотя семью Ёсихико никак не отнести к набожным буддистам, они, как и большинство японских семей, пригласили жреца на службу и организовали поминки.

— А сегодня я... просто зашёл по пути на работу, — Ёсихико отвёл взгляд и ни слова не сказал о том, что молился у Дайтенкю.

На глаза ему попался бронзовый фонтанчик павильона, из которого вытекала журчащая вода. Из-за неё по каменной чаше без конца бежали волны.

— А, ясно, — буркнул Котаро, явно желавший добавить что-то в духе «вот ведь лентяй», и вновь начал мести.

Затем ему на глаза попались новоприбывшие прихожане, и он дружелюбно поприветствовал их.

Закончив работать точно по часам, Ёсихико вышел из офисного здания и протяжно вздохнул. Мимо него прошёл юный коллега со словами «до свидания».

— ...До свидания, — угрюмо ответил Ёсихико бодро удаляющейся спине.

На часах нет и шести вечера. Наверняка его коллега, будучи студентом, сейчас идёт куда-нибудь развлекаться. Ёсихико, который поленился даже переодеть белую спецовку, ещё раз вздохнул и пошёл вперёд. Стояла обыкновенная для Киото, расположенного в низине, жаркая и душная погода, от которой плавилось тело. Несмотря на сентябрь, зной никак не ослабевал.

Памятуя о словах матери о том, что «кто не работает — тот не ест», всё ещё находившийся в поиске постоянной работы Ёсихико устроился на полставки уборщиком, и каждый день оказывался в новом месте: то в больнице, то в торговом центре, то в офисном здании. Поначалу Ёсихико это не нравилось, но затем он привык и обнаружил: молчаливая работа автоматической щёткой подходит ему хотя бы потому, что Ёсихико считал слишком тягостным общаться с незнакомыми людьми.

— ...Карьера, говорите? — прошептал Ёсихико, волоча обутые в изношенные кроссовки ноги.

Для человека, которому не удаётся даже найти новую работу, это мечта в квадрате.

С младших классов Ёсихико занимался бейсболом, и мечта о выступлении в Косиэне[□]Косиэн — неофициальное название национального турнира по бейсболу среди старших школ Японии, крупнейшего в стране спортивного мероприятия для юниоров. даже однажды сбылась, когда в старших классах его взяли на третью базу, однако их команда вылетела после первого же матча. После этого он по рекомендации поступил в университет, имеющий бейсбольную команду, а там ему посчастливилось попасться на глаза менеджеру сильного бейсбольного клуба, принадлежащего крупной фирме. Конечно, драматическим такое развитие событий не назовёшь, но до того момента жизнь его шла по плану.

Однако вскоре после вступления в клуб он неудачно столкнулся с товарищем по команде во время тренировки и повредил коленную чашечку, что вынудило его пойти на операцию. К тому же примерно в то же время дела у фирмы пошли неважно, и она приняла безжалостное решение закрыть клуб уже в следующем сезоне.

— Да уж, беда не приходит одна...

Ёсихико вспомнил былое, и правое колено отозвалось тупой зудящей болью.

Он провёл в больнице три дня, а когда выписался с костылями в руках, то обнаружил, что на родном месте ему уже не рады.

Что ещё хуже — после операции ему запретили нагружать колено, поэтому он не мог работать ни на открытом воздухе, ни даже на складе, где требовалось много действовать стоя. Постепенно коллеги начали смотреть на Ёсихико, как на обузу. К тому же изначально его приняли в компанию для игры в бейсбол, а теперь, когда он потерял возможность заниматься этим, то и сам ощущал, насколько тяжело оставаться здесь. В конце концов, уже через полгода он написал заявление по собственному желанию. После увольнения и до весны, когда он начал подрабатывать, Ёсихико жил затворником.

— Наверное, надо попросить Котаро — пусть помолится за выздоровление, — с самоиронией пробормотал Ёсихико.

Последние полгода он, потеряв цель жизни, чувствовал себя вялым. Пусть врачи и говорили ему, что его правое колено уже в порядке, сейчас оно решило напомнить о себе и разболелось. Именно поэтому, хотя Ёсихико и подумывал о полноценной работе, он никак не мог её в деталях представить.

Проехав на поезде и сойдя на ближайшей к дому станции, Ёсихико уже собирался перейти дорогу в сторону дома, как вдруг заметил на лестнице, ведущей в подземный переход, скрючившегося старика, одетого в тёмно-синее кимоно и весьма редкие в наше время традиционные гэта [□]Гэта — японские прямоугольные деревянные сандалии.. Рядом с ним валялся фиолетовый свёрток. На лысой голове виднелись бледно-коричневые пятна. Длинная белая борода подрагивала от тяжёлого дыхания.

Эта картина невольно оживила в голове Ёсихико неприятные воспоминания.

— Вы в порядке?!

В голове Ёсихико пронеслись худшие из возможных вариантов, и он пулей метнулся на помощь. Одновременно с этим его сердце отозвалось тупой болью. Вспомнилась добродушная улыбка деда, которого он больше никогда не встретит.

— Вам вызвать скорую? Вы чем-то больны?

В студенческие времена в рамках политики бейсбольного клуба их в обязательном порядке учили оказывать экстренную помощь. Извлекая полученные когда-то сведения из глубин разума, Ёсихико приподнял старика, проверил его дыхание и убедился, что тот в сознании. Обычно возле станции многолюдно, но поезд только что ушёл, и прохожих поблизости нет, как и никого похожего на сопровождающего.

— У вас боль в груди?

Тело худощавого старика оказалось на удивление лёгким. К счастью он находился в сознании и в ответ принялся с красным лицом царапать горло. Похоже, дело не в груди, а в том, что он не может дышать.

— Что-то в горле застряло?!

«Раз так, то нельзя терять ни секунды». И только Ёсихико пробормотал себе эти слова, как ощутил в груди непередаваемую тревогу. Если он правильно помнит, уже через четыре минуты

после начала удушения шансы оживить человека падают вдвое.

Ёсихико немедленно уложил старика животом на свои колени и принялся с силой стучать ему между лопаток. Нет времени вызывать скорую помощь. Если не спасти его здесь и сейчас, жизнь этого дряхлого старика угаснет.

— Прощу вас, держитесь! — воскликнул он старику, продолжая стучать. — Ваша семья непременно расстроится, если вы просто так скончаетесь на улице!.. У вас ведь есть внуки?!

Ёсихико не мог вернуть своего деда. И именно из-за горечи той утраты он считал, что обязан спасти этого старика. У него тоже должна быть семья, которая его ждёт.

— Вот и я вас так просто не отпущу!

С этими словами он нанес очередной удар, и из горла оцепеневшего старика выскочило нечто белое, размером немного меньше кулака, и упало на землю.

— Есть! — воскликнул Ёсихико, и в тот же самый момент старик громко закашлял.

Ёсихико погладил его по спине и с облегчением вздохнул. Судя по тому, что до сих пор старик не мог ни кашлянуть, ни слова сказать, можно считать, задачу Ёсихико выполнил.

— Вы в порядке?

Когда кашель стих, а к лицу старика вернулся нормальный цвет, Ёсихико обратился к нему и поддержал рукой.

Старик неторопливо поднялся, вытер рот и посмотрел в небо.

— Ох, я уж думал, помру! — бодрым голосом отозвался он. — Решил, раз уж я тут, надо бы купить «молодых» бобовых моти [□]Моти — сладкие японские лепёшки из клейкой рисовой пасты. Бывают разных форм и с различными начинками., но что-то я их в спешке переел.

Постучав по лысой голове, старик повернулся к Ёсихико.

— Всё-таки не стоит пенсионеру-отшельнику забываться и есть на ходу. Если б ты не проходил мимо, тут бы я и окочурился. Спасибо, ты меня спас.

Пожав руку Ёсихико, старик низко поклонился. Стоя лицом к лицу со стариком, Ёсихико заметил, что выглядит тот весьма обаятельно, несмотря на низкий рост. Особенно помогают морщинки возле глаз, которые сразу располагают к себе.

— А, это ничего... самое главное, что обошлось.

Ёсихико почесал голову, удивляясь тому, как весело разговаривал старик, ещё недавно корчившийся у земли. Как бы там ни было, опасность миновала, и это радовало. Конечно, этот старик — лишь незнакомец, встреченный по чистой случайности, но на душе Ёсихико всё равно стало легче от того, что удалось спасти человека. Это же с какой скоростью нужно есть моти, чтобы тот умудрился застрячь в горле?

— Видимо, моти любят за что-то цепляться...

— Вот именно. В этот раз это целиком и полностью моя ошибка. Прошу прощения.

Старик вновь поклонился, и Ёсихико поспешил одёрнуть его:

— А нет, я вовсе не прошу вас об извинениях! Просто хотел попросить вас впредь есть осторожнее... думаю, ваша семья тоже беспокоится...

Посреди своей речи Ёсихико понял, что наверняка выглядит как юнец, который лезет не в своё дело. Поэтому он тут же начал говорить тише и медленнее. Старик же заметил это и вдруг добродушно прищурился:

— Вижу, Тосимасу воспитал хорошего внука.

Тихий голос старика вынудил Ёсихико тут же поднять взгляд.

— Э? Вы знаете моего дедушку?

Так звали его деда, скончавшегося год назад.

— Ага, я очень хорошо его знал.

— Вы... его друг?

— Ну, что-то вроде того. Старый знакомый.

Старик с довольным видом кивнул, а затем вдруг поднял упавший на землю свёрток и выудил из него зелёный блокнот со страницами чуть больше книжных.

— У меня к тебе дело есть. Я хотел передать тебе это.

С этими словами он протянул блокнот. Тот оказался сделан из сложенной гармошкой и скреплённой японской бумаги [□] Японская бумага («васи») — вид бумаги, изготавливаемый обычно из волокон коры так называемого «бумажного дерева»; отличается очень высокой прочностью — почти невозможно порвать её руками, на сегодня используется преимущественно для каллиграфии., что указывало на солидный возраст, и с довольно грязной обложкой.

— Что это?.. — спросил сомневающийся Ёсихико, и старик опустил добродушный взгляд на блокнот.

— Вещь, которую доверил мне Тосимасу. Много чего произошло, и в конце концов мы сошлись на том, что её надо отдать его внуку.

Ёсихико не очень понял эти слова. Если дед доверил ему эту вещь, значит, изначально она принадлежала деду?

— Уверен, ты замечательно сгодишься на эту роль. Остальное тебе объяснит лис.

Пока Ёсихико недоумевал от неожиданного подарка, старик с почему-то сияющим лицом сказал эти слова, затем вдруг попрощался, развернулся и пошёл.

— Э... а... постойте! — бросил Ёсихико вслед одетой в синее кимоно спине, но старик шёл на удивление быстро и не стал оборачиваться. — П-подождите, пожалуйста! Скажите хотя бы ваше имя...

Следуя за стариком, он зашёл за угол здания, после чего изумлённо замер на месте.

— Э...

Кимоно старика только что было прямо перед ним, но бесследно исчезло за какие-то мгновения. Перед глазами простирались лишь привычные жилые кварталы. Он сбежал в какой-то переулок?

— ...Какой-то одноклассник или однокурсник деда?

Судя по его возрасту, это весьма вероятно, но кто он — всё ещё неясно.

Ёсихико ненадолго растерялся, но понял, что вернуть блокнот не получится, и вздохнул. Как бы ему ни хотелось отдать его, хозяин уже куда-то исчез.

Обложка блокнота отделана весьма изысканной и неплохо изготовленной тканью, которая под разными углами казалась то бирюзовой, то салатовой. Ёсихико заглянул внутрь и увидел, что

треть страниц уже исписана.

— ...Что это?

На каждом листе чернело по строчке текста, написанного кистью, и поверх которого красовалась кропотливо оформленная красная печать. Однако ни одно из слов, написанных на страницах — «Синацухико-но-ками», «Аменокухидзамоти-но-ками», «Хинатеринукатабитиоикотини-но-ками» и так далее — Ёсихико не узнал, и они казались ему похожими на шифровку.

— Ни единого слова не понимаю...

Слова напоминали мешанину иероглифов, и их прочтение не вносило никакой ясности. Предполагая, что это какие-то имена или же нечто вроде древнего иероглифического письма, Ёсихико с кислым лицом листал страницы. Когда он пролистал где-то треть, начались чистые листы, ослепляющие своей белизной.

Ёсихико закрыл блокнот и вздохнул. Все эти наборы заковыристых иероглифов никак не объясняли ему смысл блокнота. Почему у его деда была такая вещь?

— Пойду-ка домой...

Подумав о том, что кто-то из родных может опознать блокнот, Ёсихико растворился в толпе идущих с работы людей и направился к дому.

Часть 2

Дома у Ёсихико, помимо его самого, жили родители, младшая сестра и, до прошлого года, дед. Бабушка Ёсихико неожиданно скончалась от проблем с сердцем, когда тот учился в старшей школе, после чего отец забрал деда к ним домой для ухода. Дед был тихим, спокойным человеком, приходившим к пониманию со всяким без лишних слов, и Ёсихико всегда считал его очень располагающим к себе. По всей видимости, дед разделял чувства Ёсихико. Он часто делился с внуком секретами, перед каждым матчем и походом делал обереги от дождя, при простудах добродушно поил его фирменным гоголь-моголем. Каждый день он молился в святилищах. Порой Ёсихико ходил вместе с ним к храму Онуси, а иногда дед уходил в неспешное паломничество.

Весть о том, что деда госпитализировали с кровоизлиянием в мозг, настигла Ёсихико примерно в то же самое время, когда он потерял свой бейсбольный дом.

Дед не приходил в сознание, и лечащий врач сказал, что возраст есть возраст и нужно готовиться к худшему. Таким образом, Ёсихико пришлось в очередной раз столкнуться с тем фактом, что порой то, что всегда было рядом и воспринималось как само собой разумеющееся,

в один день может неожиданно пропасть.

Когда Ёсихико позвонили и сообщили о смерти деда, небо, словно назло, было совершенно ясным.

В тот день он, чувствуя себя словно на иголках в стенах офиса фирмы, во время обеденного перерыва сбежал в парк и заталкивал в себя купленные в супермаркете рисовые шарики.

Услышав новость, он, не убирая телефон от уха, посмотрел в бесконечное синее небо над головой.

И эта беспощадная красота оборвала последнюю туго натянутую ниточку упорства, остававшуюся в душе Ёсихико.

Ёсихико приоткрыл глаза, когда ему послышался голос сестры, выходящей из дома. На мгновение реальность и сон смешались, и ему пришлось ещё раз три моргнуть, пока он не осознал, что находится у себя в комнате.

На часах половина девятого утра. Его младшая сестра, всё ещё учившаяся в университете, в это время уходила на первую пару. В отличие от брата, интересовавшегося лишь бейсболом, она в своё время даже состояла в школьном совете, где её хорошо знали и учителя, и родители других школьников. Кроме того, она не гнушалась и работы по дому, однако по причине твёрдости характера ни во что не ставила старшего брата.

— Ёсихико-о, ты встал?

Сегодня на работу не надо, и Ёсихико вновь устроился поудобнее, чтобы вернуться ко сну, однако до его ушей с балкона донёсся голос матери — видимо, она развешивала сушиться вещи.

— Если встал, то можешь позавтракать поскорее? Я сегодня работаю полсмены и хочу побыстрее убрать со стола.

Как правило, его мать, будучи человеком мягким, особо не вмешивалась в дела Ёсихико. Впрочем, её следовало благодарить уже за то, что она не выгнала Ёсихико из дома после полугода безделья и продолжала готовить ему еду.

Хоть Ёсихико и думал о том, чтобы проигнорировать мать и снова лечь спать, в итоге он всё-таки поднялся с постели. Его комнату в десять квадратных метров язык не поворачивался назвать опрятной. С недавних пор всё время, которое Ёсихико когда-то тратил на бейсбол, он стал посвящать онлайн-играм. Стараясь не задеть сложенные стопками журналы, Ёсихико

нащупал пол, встал, а затем его внимание привлёк бардак на столе.

— ...Э?

Блокнот, который он вчера получил от незнакомого старика, почему-то лежал раскрытым. Ёсихико точно помнил, что закрывал его перед сном. Он списал бы это на шалость ветра, но окно открывал лишь на проветривание. Трудно поверить, что в комнату смог просочиться ветер такой силы, что раскрыл блокнот.

Изо всех сил подавляя подступивший зевок, Ёсихико подошёл к столу. Вчера он между делом спросил родителей о блокноте, но они заявили, что не имеют о нём никакого понятия. Максимум, что они смогли предположить — что дед мог вести какие-то заметки в ходе своих паломничеств по храмам в разных уголках страны. Ёсихико попробовал проверить одно из слов блокнота по компьютеру и выяснил, что в нём, судя по всему, записаны имена богов. Но ничего кроме этого он так и не узнал.

— Хм?

Заглянув в открытый блокнот, Ёсихико увидел незнакомую запись. На следующей за самой последней из использованных страниц, сразу за очередным непонятным именем бога, виднелся текст, написанный бледными чернилами.

— Разве он тут был?..

Ёсихико подумал, что ему мерещится со сна, из-за чего он попробовал потереть глаза, но текст оказался настоящим. Может, он просто не заметил эту надпись, когда пролистывал блокнот вчера?

— Хо... и... дзин?..

Взяв в руки блокнот, Ёсихико по очереди прочёл каждый из иероглифов. Их три, и Ёсихико не знал, нужно ли их читать как-то по-особому, но предположил, что они читаются как «Хоидзин». Красивый почерк, которым написан этот текст — такой же, как на остальных страницах, с мягкими каллиграфическими утолщениями и засечками на концах штрихов. Вот только эти иероглифы написаны бледными чернилами, вроде тех, которыми пишут приглашения на похороны, а вовсе не теми черными и яркими, что покрывали соседние страницы.

— ...Что это?

Ёсихико задумчиво покрутил головой. Кроме трёх иероглифов, на странице ничего нет. До сих пор вялый ото сна Ёсихико разглядывал текст. Как его понимать — совершенно неясно. Решив посмотреть значение слова, Ёсихико уже собирался включить компьютер, как до ушей вновь

донёлся голос матери:

— Ёсихико-о! Есть будешь? Или нет?!

— А, буду, буду! — ответил он матери, кричавшей на него из-за двери, и поспешил вниз, к готовому завтраку.

Гора Онуси и приютившийся у её подножия одноимённый храм находятся минутах в десяти ходьбы от дома Ёсихико. Несмотря на название, гора скорее похожа на холм, и подле неё также расположился университетский городок.

Ёсихико прошел по тротуару вдоль бесконечных объявлений о наборах в кружки, мимо главных ворот университета, оборудованных часовой башней, до самого конца улицы, упиравшейся в высокие ярко-красные тории[□]Тории — ритуальные врата, традиционно устанавливаемые перед синтоистскими храмами; представляют собой два столба, соединённые поперёк двумя перекладинами.. Он пошел по гравийной дорожке, начинавшейся у них, миновал павильон для омовений, вторые тории, и увидел длинную лестницу, ведущую к основному святилищу.

— Хоидзин?

Высунувшийся из-за прилавка храмовой лавки Котаро быстро просмотрел блокнот, который Ёсихико принёс с собой.

Чем мучительно искать информацию о каждом отдельном боге, куда проще расспросить о них Котаро. Пришедший в храм Онуси лишь за этим Ёсихико заглянул в блокнот в руках Котаро.

— Ага, загадочное какое-то имя, но я этот блокнот вообще не понимаю. Я получил его от человека, который представился знакомым дедушки. Он сказал, что дедушка доверил блокнот ему.

Ещё он сказал довольно любопытную вещь: «Много чего произошло, и в конце концов мы сошлись на том, что её надо отдать его внуку». Что это вообще значит? Да, ещё он упоминал какого-то лиса. Этот блокнот имеет какое-то отношение к богине Инари, что ли?

— Это похоже на госюин[□]Госюин — один или несколько листов-оберегов с наименованием и красной печатью храма, изготовленных жрецом соответствующего святилища, обычно

покупаются прихожанами после вознесения молитвы; в широком смысле — любой важный документ, имеющий специальную алую печать., но не совсем...

— Госюин? — переспросил Ёсихико у задумчиво мычавшего Котаро.

Тот в качестве примера достал с полки настоящий госюин и показал Ёсихико. На серовато-белой обложке голубыми чернилами изображались гора Онуси и деревья в акварельном стиле, а возле них — красные тории в ряд.

— На память о посещении храмов в таких госюинах пишутся их названия, даты посещения, а также особенности святилищ. В последнее время их ведут многие паломники, но... — Котаро прервался и вновь какое-то время мычал. — Но здесь одни лишь имена богов. К тому же весьма мелких. Скажем, Кукукивакамуроцунане-но-ками — даже я почти не помню о том, что есть такой бог... К тому же не вижу, что связывает перечисленных здесь богов... о, тут и Хинатеринукатабитиоикотини-но-ками есть.

Котаро не преминул заметить, что с трудом вспомнил, как читается это имя, а затем продолжил:

— Обычно в госюинах пишут не имена богов, а названия храмов. К тому же, почему только одно имя — «Хоидзин» — написано бледными чернилами? На некролог похоже.

Пока Котаро недоуменно качал головой, Ёсихико посмотрел на тот госюин, что достал Котаро, и который продавался в лавке наравне с амулетами. Внутри густыми чёрными чернилами написано «Паломничество: храм Онуси», на левом поле — дата заметки, а поверх названия храма поставлена красная печать, изображающая очертания главного святилища и гласящая «у горы Онуси». Действительно, этот блокнот немного отличался от того, что принёс Ёсихико, где стояли печати и перечислялись имена богов.

— Хоидзиново малое святилище есть и у нас, но на них не пишут, кому они посвящены...

— Э? У нас есть святилище Хоидзину? — Ёсихико поднял голову, услышав слова Котаро.

Он никогда особо не обращал внимания на имена богов и удивился тому, что поблизости есть соответствующая святыня.

— Вообще, Хоидзинское поклонение относится не к синто, а к оммёдо[□]Оммёдо — японское оккультное учение, сочетающее элементы синтоизма, буддизма и даосизма; используется преимущественно для совершения гаданий, но также включает в себя магические способы защиты от проклятий, призыв и изгнание духов. Хотя оммёдо упразднили в эпоху Мейдзи, расположенное у нас четырёхступенчатое малое святилище всё ещё чтит ту традицию.

— Оммёдо... это то, чем Абэ-но Сеймей[□]Абэ-но Сеймей — живший в десятом веке японский

мистик, автор нескольких учебников по оммёдо, персонаж многих легенд. занимался? — спросил Ёсихико, и Котаро кивнул.

— Да. В древности у нас было всё подряд и вперемешку — буддизм, даосизм, синто, оммёдо и так далее. После упразднения открыто молиться богам оммёдо перестали, а некоторые храмы даже сменили почитаемых божеств, но я слышал, что в начале эпохи Сёва[]Период правления императора Хирохито — с 25 декабря 1926 года по 7 января 1989 года поклонение Хоидзину возродилось. До того момента оно сохранялось лишь в малых святилищах, так что вера людей оказалась весьма сильна, — пояснил он, всё ещё смотря в блокнот.

— ...Так, а что такое «малое святилище»?

Хотя Ёсихико и ходил в храм чуть ли не каждый день, знал он о религии очень мало.

Котаро развернул перед ним лист бумаги с названием «кратко о храме Онуси» и чёрно-белыми рисунками и текстом. Такие листы он раздавал посетителям храма.

— Помимо основного здания на территории храмов находятся так называемые подсобные святилища, а также малые святилища. Чаще всего в них почитаются боги, так или иначе связанные с основным божеством храма. Скажем, супруги, дети... — рассказывал Котаро, водя пальцем по схеме. — У храма Онуси есть два подсобных святилища, семь малых святилищ, а также отдельное святилище, на территории которого почитается какой-то предтеч, имеющий отношение к еде. У нас относительно большая территория.

— Так вот как эти маленькие штуки называются...

Ёсихико рефлекторно огляделся по сторонам. Конечно, он видел разбросанные по территории небольшие святилища, но никогда не задумывался над тем, для чего они. Похоже, что и святилище Дайтенкю, куда пристрастился ходить сам Ёсихико, тоже относилось к малым.

— А давай не ломать голову? Твой дед любил храмы, возможно, это просто его личные заметки? А насчёт чернил у слова Хоидзин, может, он перо проверял? Просто считай эти записи памятью о дедушке, — без особого интереса заключил Котаро и отдал блокнот Ёсихико.

— Угу... наверное, ты прав.

Ёсихико устало вздохнул. Конечно, можно расспросить того старика, но совершенно непонятно, кто он и где его искать. Ясно, что он знакомый деда, но вряд ли они встретятся снова.

— А, кстати, где святилище этого Хоидзина находится-то? — вдруг заинтересовался Ёсихико, уже успевший поблагодарить Котаро и собиравшийся уходить.

— Сразу после вторых торий. Как спустишься по лестнице, будет справа.

Котаро вновь высунулся из-за прилавка и указал пальцем направление.

Цикады стрекотали таким слаженным хором, словно заняли всю гору Онуси. Под аккомпанемент их голосов Ёсихико, следуя указаниям Котаро, прошёл по храмовой дороге и спустился по лестнице. Листва над головой шумела от неторопливого ветра, а камни ступеней нежились на пробивавшемся сквозь кроны солнце. По пути Ёсихико попались пожилые прихожане, и они молча кивнули друг другу. Даже будучи незнакомцами, все понимали очевидное: они вошли под покров одних и тех же богов. Каждый раз, когда Ёсихико пересекался с кем-то на территории храма, он испытывал смешанные чувства. Здесь он естественным образом совершал такие вещи, которые в обычных условиях в компании незнакомых людей ни за что бы не сделал, и потому каждый раз удивлял себя.

— Здесь?..

Топча подошвами приятно шумевший гравий, Ёсихико миновал вторые тории, а затем прошёл через ещё одни, маленькие и каменные. Прямо за ними оказалось небольшое святилище, выкрашенное красной краской, уже поблекшей — за ним явно ухаживали куда менее старательно, чем за основным. Размером настолько маленькое, что Ёсихико даже засомневался, может ли человек зайти внутрь, оно в целом напоминало миниатюрную версию основного здания. У входа стояла коробка для подаяний, и Ёсихико, пусть и смутно, вспомнил, что иногда видел прихожан, заходивших сюда на пути к основной святыне.

— Я и не знал, что тут есть святилище Хоидзину...

Перед храмом, возле торий, обнаружилась табличка с описанием, гласящая, что точная дата основания этого четырёхступенчатого святилища неизвестна, но упоминания о нём встречаются ещё в летописях эпохи Хэйан. По углам святилища закопаны в землю камни, указывающие на стороны света.

Ёсихико достал блокнот и сравнил иероглифы с теми, что написаны на табличке.

— И правда, Хоидзин...

Иероглифы совпали, но это мало о чём говорило. Ёсихико обвёл взглядом окрестности, но так и не нашел ничего, что могло бы пролить свет на загадку блокнота. Он вздохнул и уже собирался уйти домой, как...

— Так это ты лакей?

До его ушей неожиданно донёлся голос, и Ёсихико обернулся. Но за спиной оказались лишь деревья, неспешно покачивающиеся от летнего ветерка.

— Что это было?..

Слишком отчётливый голос, чтобы списать на «послышалось». Удивившись, Ёсихико ещё раз обвёл взглядом окрестности и обнаружил, что позади короба для подаяний, отделённого от земли четырьмя ступенями, сидел пёс.

В прошлый раз Ёсихико его не заметил. Откуда он здесь появился? Ёсихико скосил взгляд в поисках ошейника, полагая, что это чей-то домашний питомец, и заметил, что пёс этот выглядит как-то странно.

— Это... не собака?..

Сначала ему показалось, что это крупная сиба-ину, но тело животного покрывала блестящая золотистая шерсть с серебристыми участками на лапах. Слишком маленькая пасть и большие уши для собаки. А ещё длинный, размером с остальное тело пушистый хвост, так и зазывающий погладить его. Наконец, после того, как существо посмотрело на Ёсихико в ответ, тот заметил яркие жёлтые глаза, приковывающие к себе внимание.

— Э-э... — только и смог протянуть Ёсихико, лишившись дара речи.

В святилище сидел вовсе не пёс, а прекрасный лис.

— Я в высшей степени оскорблен, что ты принял меня за собаку. Когда эти земли называли столицей, а люди путешествовали по городам и весям, меня считали весьма важной особой.

Ёсихико вновь услышал голос, который явно доносился именно из пасти лиса.

На какое-то время Ёсихико застыл от изумления и смотрел на эту картину, а затем резко принялся протирать глаза. Хоть он и выпался, по всей видимости, накопленная усталость давала о себе знать. Мало того, что лисы мерещатся, так говорящие.

— ...Понятно. Значит, он, наконец-то, попал в твои руки? — сказал Лис, словно уже знал ответ.

Ёсихико осторожно поднял взгляд, вновь посмотрел на лиса и ощутил, как на спине проступил пот.

— Лис разговаривает...

— Раз он у тебя, полагаю, ты пришел исполнить свой долг?

— Ну ничего себе...

— В таком случае незачем откладывать. Я собираюсь поручить тебе...

— Это голограмма?..

Ёсихико на автомате подошёл к лису, погладил рукой пушистый хвост, и зверь тут же отмахнулся.

— П-прекрати! Не гладь меня без разрешения!

Он царапнул лицо Ёсихико передней лапой, оставив красные следы. Ёсихико сглотнул. Ощущения от хвоста настоящие, боль тоже, а значит, это не видение.

— Не думай, что если у тебя молитвенник, то тебе всё можно!

Лис с раздраженным видом указал правой передней лапой на зеленый блокнот в руках Ёсихико. Похоже, он на редкость вспыльчив.

— Так вот как он называется...

Молитвенник — не из тех слов, что слышишь каждый день. Впрочем, когда у тебя перед лицом говорящий по-человечьи лис, удивляться уже не приходится.

— Мне его вчера дал незнакомый старик... сказал, что получил это от моего дедушки...

Может, это какая-то тетрадь смерти?

Пока Ёсихико перебирал в своей голове тревожные мысли, лис успокоился, прокашлялся и снова заговорил:

— Мне неважно, как именно он оказался у тебя. Важнее то, что ты должен выполнить мой заказ.

— Выполнить... заказ?.. — Ёсихико насупил брови, не понимая, о чём речь.

При виде его выражения лица, Лис недоумённо наклонил голову.

— Что ты так смотришь? Уж не задумал ли ты забросить свой долг после того, как добрался сюда?

— П-подожди, пожалуйста. Я не понимаю, почему ты говоришь о каком-то заказе и долге...

Во взявшегося из ниоткуда говорящего лиса и так тяжело поверить, но непонятого становится лишь больше.

Глядя на ошарашенного Ёсихико, лис устало выдохнул.

— Ты что, действительно ничего не знаешь?

Даже эти слова вызвали у Ёсихико недоумение, но тут он, наконец, вспомнил слова старика.

— А! Точно, он же говорил, что остальное мне расскажет лис...

Выходит, старик сказал те слова, поскольку знал, что это произойдёт?

После возгласа Ёсихика лис явно обозлился — по его морде пошли морщины.

— ...Так вот оно что, а я-то удивлялся, почему моё имя написали первым... вот же старый пердун... — пробурчал он, после чего перевёл дыхание и ещё раз прокашлялся. — Вещь в твоих руках называется молитвенник или журнал заказов.

Ёсихико скосил взгляд на блестящую обложку блокнота.

— Человек, в чьих руках он находится, должен посетить святилище, посвящённое богу, чьё имя всплыло на страницах, и выполнить его заказ. Другими словами, он становится лакеем богов.

Мозг Ёсихико не успевал переваривать информацию, которую сообщал ему обладатель золотистых глаз. Некоторое время он ошарашенно стоял столбом — во многом потому, что его сознание буксовало от самого факта беседы с лисом.

— Лакеем... богов?.. — повторил Ёсихико, и в его голове постепенно начала складываться картина происходящего. — ...Почему я?

Это первый вопрос, который пришёл ему в голову.

— И вообще, почему боги не могут сами исполнять свои желания?..

Этого он не понимал. Если кто-то выполняет заказы богов, не значит ли, что этот некто владеет силой, недоступной даже им? Во всяком случае, Ёсихико не считал, что сам он, лишь полгода назад прекративший быть затворником и не могущий найти работу, обладал такими талантами.

Лис испустил протяжный вздох. В приоткрытой пасти показались клыки.

— Не думай, что в наше время все восемь миллионов богов так же всемогущи, — лис прищурил золотые глаза и внимательно посмотрел на Ёсихико. — В древности сила богов восполнялась благодарностью людей, что наполняла их сердца во время божественных фестивалей. А взамен люди получали благосклонность божеств. Люди и боги сотрудничали, помогая друг другу жить.

— В-вот оно что... — обронил ошеломлённый Ёсихико.

Он никогда не слышал о том, чтобы боги и люди взаимно поддерживали друг друга. Более того, он считал, что вся суть слова «бог» — в том, что оно обозначает существо, которое несравнимо могущественнее обычного человека.

— В Японии осталось очень мало мест, где божественные фестивали и по сей день проводятся по правилам. Не удивлюсь, если ты не знаешь об этом. Во времена сытных фестивалей боги переполнялись силой и довольствовались жизнью даже без лакеев. А что сейчас?

— Н-не знаю, что ответить тебе, — смутился Ёсихико.

Лис опечаленно покачал головой.

— Сколько уже раз я видел, как к моему святилищу забредают по случайности люди, которые даже не почитают меня, молятся о чём-то для себя и уходят. Поэтому могущество богов и ослабевает...

Ёсихико вспомнил, что несколько раз поступал похожим образом, и скривился. Но разве сегодня не принято ходить в храм именно для того, чтобы молить о чём-то? А уж если говорить о том, кому эти молитвы адресованы, то только боги в голову и приходят.

— Тот, в чьих руках находится молитвенник, должен исполнять желания ослабленных богов вместо них, — золотистые глаза лиса вновь уставились на Ёсихико. — Обычно на эту работу нанимают людей из семей, много поколений поддерживающих тесные связи с божествами, но твой дед молился так смиренно и благоговейно, что боги признали доброту его души и доверили эту роль в особом порядке.

Лис заговорил о деде Ёсихико, и тот изумлённо поднял глаза.

Взгляд лиса смягчился, словно он вспоминал былые дни.

— Это был хороший человек. После того, как мы сделали для него исключение, он исходил всю страну, помогая богам.

С одной стороны, Ёсихико радовала такая похвала в адрес деда, а с другой — он отчётливо ощутил на своей спине холодок. Действительно, его дед любил заниматься паломничеством по храмам страны. Но если лис говорит правду, это было не развлечение — он ходил выполнять заказы богов.

— Но он лишь человек, а смерть не делает для вас исключений. Когда твой дед отправился в мир духов, боги начали совещаться о том, кто станет следующим лакеем. Выбор пал на отпрыска семьи жрецов, служивших богам много поколений.

— Э? Тогда причём здесь вообще я?..

Вообще, происходящее с самого начала казалось ему странным. По его собственному мнению, Хагивара Ёсихико — совершенно не тот человек, который может привлечь внимание богов. В отличие от своей умелой сестры, он ничем не выделялся, и к тому же потерял возможность заниматься бейсболом — единственным, в чём он преуспевал.

Лис бросил быстрый взгляд на Ёсихико, а затем тяжело перевёл дух.

— Обычно, лакей связывается с молитвенником так называемой уздой...

С этими словами лис поднял правую переднюю лапу и описал ей в воздухе какую-то сложную фигуру. Затем он повёл носом, указывая на шею Ёсихико.

— Теперь и ты сможешь её увидеть. Узда — то, что крепится к твоей шее сзади.

Ёсихико испуганно скосил взгляд и вдруг заметил, как из воздуха выплыла зелёная «узда», тянущаяся от молитвенника к задней части его шеи.

— Что это?!

— Я же сказал, узда, — лис удрученно посмотрел на то, как Ёсихико ощупывает шею, а затем продолжил, — так получилось, узда того лакея, избранного до тебя, порвалась. В результате нам потребовалось срочно выбрать нового.

— Порвалась?..

Ёсихико ещё раз посмотрел на узду, тянущуюся из молитвенника. Он попытался потрогать её, но не смог ухватиться. Узда оказалась бесплотной, словно лазерный луч.

— А-а что вам мешало сделать ещё одну?..

Если одна порвалась, почему бы не пришить вторую?

В ответ на его слова лис сокрушённо вздохнул и сказал:

— Всё не так просто. Можно сказать, что узда связывает богов и лакея. Её нельзя так просто трогать.

«Вот оно как», — пробормотал про себя Ёсихико и вновь посмотрел на нить. Ещё несколько секунд назад он видел её отчетливо, но она уже принялась тускнеть, а вскоре и вовсе пропала с глаз.

Лис прищурил золотистые глаза и продолжил:

— Даже заменой для лакея не может стать кто угодно. Он должен быть достаточно молод, чтобы путешествовать по всей стране, и соответствовать всем критериям идеального прихожанина — скромным, исполненным милосердия и искренне верующим в богов возле себя. Мы искали повсеместно, но помимо того, что тяжело найти человека, обладающего всеми этими качествами, такие великолепные люди, как правило, и без того занимаются ответственной работой или же учатся для неё. Они не бездельники, которые могут тратить своё время на службу лакея. Так что боги, отвечавшие за выбор, начали со временем снижать стандарты...

Когда лис вновь скосил на него взгляд, Ёсихико посетило неприятное предчувствие. Ему показалось, что окончание рассказа его не обрадует.

— ...Надеюсь, вы выбрали меня не по методу исключения?.. — настороженно спросил Ёсихико.

— Не только. Важную роль сыграло то, что ты внук Тосимасу, — сразу же отозвался лис, что характерно, не став отрицать мысль о методе исключения.

— ...А есть ещё причины кроме той, что я внук прошлого бывшего лакея?

— Понимаешь... — до сих пор речь лиса была плавной и ровной, но после этого вопроса он резко отвел взгляд и начал подбирать слова. — Действительно, ты... вялый, нетребовательный к себе, но при этом желающий понимания со стороны других, упрямый нахал, не способный усидеть на работе, затворник... бестолочь... и зачем боги только разрешили... я же был против...

— Э-э, стоп, я не просил меня оскорблять.

С какой стати он должен выслушивать такие речи от лиса, которого видит впервые? А что самое грустное, всё сказанное — правда, даже нечего возразить.

Бормотавший себе под нос лис вновь посмотрел на Ёсихико и продолжил уже обычным тоном:

— Как бы там ни было, мы не могли держать пост лакея открытым вечно, поэтому назначили срочную замену. Когда найдем кого получше, тебя освободят от работы. Пока этого не случилось, исполняй роль держателя молитвенника.

Картина до сих пор во многом не сходилась. Ёсихико с сомнением смотрел на лиса перед собой. Его раздражала мысль о том, что он с какой-то стати должен выполнять просьбы существа, которое ни во что его не ставит, и к тому же явно способно позаботиться о себе самостоятельно. И вообще, разве происходящее реально? Может, Ёсихико лучше готовиться к тому, что он сейчас проснётся и поймёт, что видел сон?

— Кто... ты такой? — в итоге спросил Ёсихико лиса, обернувшего хвост вокруг лап.

— Ты только сейчас спрашиваешь? — лис издал печальный вздох, а затем заявил: — Я Хоидзин, бог направлений, обитающий в этом святилище. Из-за цвета моей шкуры другие боги называют меня Когане, что означает «золото».

Его пышный мех словно засиял ещё сильнее, заставив Ёсихико прищуриться.

— Бог?.. — переспросил Ёсихико, не веря своим ушам.

До сих пор он столько раз приходил к святилищам, сводил перед собой руки в молитве, но не верил в богов, а теперь...

— ...Серьёзно?

...Собственными глазами видит божественного лиса с пышным мехом и непростым характером.

— Разве в молитвеннике не всплыло моё имя, имя Хоидзина? — поинтересовался лис, и Ёсихико неуверенно кивнул.

В ответ на это Когане самодовольно улыбнулся.

— Раз так, слушай мой заказ.

Часть 3

— Лис?

Когда Ёсихико вернулся на территорию храма Онуси, он как раз пересёкся с Котаро, ненадолго выходящим наружу, и перегородил тому путь.

— Да. Хоидзин — это божественный лис? — спросил Ёсихико, указывая пальцем на Когане, сидевшего рядом и чесавшего подбородок задней лапой.

Ёсихико не такой простака, чтобы просто взять и поверить существу, которое объявило себя богом. Он решил, что разберётся, верить Когане или нет, после того, как услышит авторитетное мнение.

— Разве «Хоидзин» — это не собирательное имя, объединяющее много добрых и злых богов?.. Насчёт лиса не знаю, я же его не встречал, — ответил Котаро с характерной для верующего невозмутимостью.

Когане однозначно должен попадать в его поле зрения, но Котаро никак не реагировал на него. Похоже, он просто не видит лиса.

— Нет, ты понимаешь, просто тот лис сказал мне стать лакеем...

Хоть эти слова принадлежали Ёсихико, он и сам подумал о том, что они кажутся полным бредом. И, конечно же, когда их услышал Котаро, то с участливым видом положил руки на плечи Ёсихико.

— Ёсихико, я тебя ни в чём не обвиняю, но иди домой и проспись.

— Да уж...

Ёсихико сухо усмехнулся, но на самом деле, спал он сегодня достаточно.

Когане совершенно не вмешивался в их разговор и лишь смотрел, зевая от скуки.

— И раз уж на то пошло, хочешь, я за тебя помолюсь о защите от злых духов? Стоит 5000 йен, — предложил Котаро, неловко почёсывая затылок.

— ...Скидку для друга не сделаешь? — спросил Ёсихико после короткой паузы.

— Нет.

— Так и знал.

Он предвидел такой ответ, но его честность и ясность всё равно порадовала.

— Ну что, ты остановил меня только за этим? Я сейчас немного занят, нужно провести службу в святилище и помолиться о безопасных дорогах для службы такси.

Сообщив о своих делах, Котаро быстрым шагом направился в сторону конторы храма.

— ...Кстати, а сколько заработает храм за службу и молитву для таксистов? — бросил Ёсихико ему в спину.

Котаро молча обернулся, посмотрел на Ёсихико, а затем вдруг улыбнулся.

— Какая мирская мысль, Ёсихико. Важны не деньги, важна честная служба перед лицом богов.

«Ло-о-ожь!»

Ёсихико проводил своего друга взглядом до калитки конторы, а затем ощутил такой приступ бессилия, что у него чуть не подкосились ноги. Его друг предпочёл невнятным словам Ёсихико реальный заработок. А ведь Ёсихико отчетливо видел как лиса, так и что в этот самый момент тот неспешно потягивал передние лапы.

Прихожане начали бросать на Ёсихико подозрительные взгляды, так что он неуверенной походкой пошёл прочь. Он неспешно прошёл по главной дороге и начал спускаться по лестнице, но на полпути не выдержал и бессильно уселся на ступени. Из-за спины появился Когане, присел на ту же ступень и фыркнул, словно насмехаясь над ним.

— Этот гоннеги — весьма интересный тип. Хоть его и окружают мирские заботы, он не растерял свой свет. Жрец, в котором смешались грязь и чистота... очень любопытно.

— Коль тебе так нравится Котаро, его бы и просил, — бросил Ёсихико в ответ.

Несмотря на неожиданную просьбу поработать заменой, желания у него не появилось. И вообще, он до сих пор сомневался в божественности лиса.

— Мне нет смысла просить его. В конце концов, молитвенник у тебя.

— Так ведь заменой может быть кто угодно?

— Но выбрали-то тебя?

— Только благодаря моему деду, — самоуничижительно отозвался Ёсихико.

Когане протяжно вздохнул и неспешно взмахнул золотистым хвостом.

— ...Я не собирался говорить тебе об этом, чтобы ты не зазнавался, но раз так... — сделав паузу, Когане посмотрел точно в глаза Ёсихико. — Тебя выбрали лакеем, пусть и временным, не только потому, что ты внук Тосимасу.

Ёсихико слегка вскинул бровь, удивившись услышанному. Так значит, его выбрали не просто по методу исключения?

— Много лет назад я отошёл от дел и с тех пор жил в том малом святилище, но чуть больше года назад начал видеть тебя. Каждый день ты проходил мимо моей обители.

Над головой зашелестели от ветра зелёные листья.

— Ты ничего не говорил своему другу гоннеги и втайне молился у святилища Дайтенкю. О своем деде.

Ёсихико обомлел и продолжал лишь смотреть в глаза Когане.

Он никому и никогда не рассказывал об этом.

Когда дед слёг с болезнью, Ёсихико задумался над тем, может ли что-то сделать для него, и в итоге начал каждый день ходить к святилищу Дайтенкю, чтобы молиться за его выздоровление. Он не говорил ни Котаро, ни семье, приходил в дождь и в ветер, глубокими вечерами после тяжёлой работы, после бессонных ночей, проведенных в думах о будущем. Он не пропускал ни единого дня, даже если ему приходилось подниматься по лестнице медленно, придерживая разболевшееся колено.

— Откуда ты... знаешь?..

Хоть он и не верил в богов, во время молитв он просил их от всего сердца о том, что если эти сверхъестественные создания и вправду существуют, то пусть спасут жизнь деда. Тогда он думал, что больше ничем не может помочь.

Когане ещё раз сокрушённо вздохнул и вновь посмотрел на Ёсихико.

— Ты уже забыл, что я бог? Не задавай глупых вопросов, вроде того, откуда я это знаю.

Ёсихико закрыл рот, не найдя, что на это ответить. Конечно, он всё ещё сомневался в личности

Когане, но для обычного лиса тот слишком уж бегло говорил по-человечьи и слишком хорошо разбирался в делах богов. Если же согласиться с тем, что он бог, то всё встанет на свои места.

Взгляд Когане скользнул к небу, и он продолжил:

— Молить богов лишь во времена невзгод — поведение, не заслуживающее похвалы, какими бы ни были обстоятельства. Многие боги сыты по горло людьми, которые лишь взывают к ним, совершенно не принимая участия в фестивалях. Поэтому и тебя могли признать человеком, недостойным избрания, хоть ты и внук того лакея. Однако... — прервавшись, Когане ненадолго задумался и моргнул. — Однако тогда ты молился лишь о своём деде. Не говорил ни слова о собственном здоровье или о работе. И боги заметили это.

Одолеваемый сложными чувствами, Ёсихико опустил взгляд. Он молился так не потому, что искал похвалы.

К тому моменту, как его колено зажило, Ёсихико понимал, что уже никогда не сможет вновь зарабатывать на хлеб бейсболом. Конечно, он бы соврал, если бы сказал, что не ощущал привязанности к этому виду спорта, на который потратил столько лет, но бывшие приверженность и страсть уже выветрились из его сердца. Его молитва — лишь результат того, что о здоровье своего деда он тогда думал куда больше. И к тому же...

Ёсихико кратко вздохнул.

К тому же, тогда ему наверняка казалось, что дед, в одиночку сражающийся с болезнью, чем-то похож на Ёсихико, боровшегося с одиночеством, которое он ощущал в обществе.

Когане подождал ещё немного и продолжил:

— Также они учли и твою вчерашнюю молитву у святилища Дайтенкю.

— Вчерашнюю?..

Действительно, вчера перед работой он зашёл в то святилище. Но причём здесь это?

Глаза Когане неотрывно следили за Ёсихико.

— Ты просил прощения у богов, ведь так? Ты сожалел о том, что «в тот раз пожелал, не подумав».

Ёсихико широко раскрыл глаза, услышав знакомые слова.

Действительно, именно их он и произнёс. Спустя год после кончины деда, когда его чувства улеглись, Ёсихико пришла в голову мысль. Конечно, когда он просил о спасении деда, то не врал. Однако он подумал, что в то же время молитвы его вызваны слабостью и попыткой сбежать от реальности, ведь даже пока дед был здоров, Ёсихико ничем не мог помочь ему, зато, когда понял, что может потерять его, то не захотел отпускать.

Он искал фундамент, хотел хоть за что-то зацепиться.

Хотел излить свои чувства, переполнявшие сознание.

И, возможно, зря он молился о здравии в святилище неподалёку.

Ведь он должен был понимать, что люди не живут вечно.

— Лишь малая часть людей приходит, чтобы поблагодарить богов за помощь, но ещё меньшая раскаивается в совершенных прежде молитвах и приходит вымаливать прощения. Особенно, когда они молились за кого-то другого.

Ёсихико удручённо отвел глаза. Ему стало неловко от всех этих речей.

— Твое похвальное поведение признали. Именно поэтому тебя назначили пусть и временным, но всё же лакеем, и доверили молитвенник. Тебя сочли способным помочь обессиленным богам, — Когане указал лапой на молитвенник в руках Ёсихико. — Потому что в противном случае я не понимаю, что он у тебя делает.

Кажется, лис решил закончить рассказ колкостью.

Ёсихико ещё раз опустил взгляд на молитвенник и кратко вздохнул. Так и неясно, награда это или же наказание.

Сделав очередной вздох, Ёсихико поднялся на ноги. Так или иначе, он более-менее разобрался в том, что это за вещь и почему она у него очутилась.

— И всё же, доверить мне такую ответственную работу... — буркнул Ёсихико, спустился по лестнице до конца и бросил взгляд на малое святилище сбоку от себя.

Поскольку его колено всё ещё трудно назвать окончательно зажившим, он до сих пор не таскал на работе тяжёлых грузов, а дома только и занимался тем, что играл, ел и спал. И на что только рассчитывают высшие боги, назначая его пусть на временную, но всё же должность? Даже сам Ёсихико испытывал по отношению к себе небывалые разочарование и раздраженность, ведь он потерял всё, что заработал в жизни, и дорогих ему людей, а к тому же предал надежды всех, кто окружал его.

Он открыл молитвенник и пролистал его, просматривая имена богов, чьи заказы выполнял дед.

На этих страницах — история жизни деда и богов, о которой Ёсихико ничего не знал.

— Интересно, почему ты занимался этим, дедушка?..

Вряд ли ему было так легко много двигаться в его годы. И почему он только продолжал выполнять прихоти богов? В голове Ёсихико ожил образ мягко улыбающегося деда. До того, как они начали жить вместе, дед всегда встречал его у себя с распостёртыми объятиями, а в дни, когда Ёсихико ссорился с родителями и уходил бродить по улицам, дед искал его, находил, приглашал к себе и кормил тёплым удоном [□]Удон — традиционная японская лапша из пшеничной муки.. Он с радостью брался за общественные работы, будь то прополка сорняков в парках или сбор мусора. Иногда ему даже доставалось от бабушки за то, что она считала его слишком уж добрым.

— Если вопрос в том, почему твой дед работал лакеем, тебе стоит унаследовать его волю и увидеть самому, — золотистые глаза Когане вдруг посмотрели на него, и лис взмахнул хвостом.
— Возможно, ты поймёшь это, если пойдёшь по его стопам.

— По стопам дедушки...

Ёсихико задумался было о том, не пытается ли Когане использовать его в своих корыстных целях, но вдруг проникся ситуацией. Ему неожиданно попал в руки молитвенник, оставшийся от дедушки. И именно на него легла задача продолжать записи.

Ёсихико засомневался и прикусил губу.

Когда его дед слег с болезнью, он полагал, что может помочь лишь ежедневными походами к святилищу Дайтенкю и молитвами.

Но прошло время, и ему доверили продолжить работу деда — то, что мог сделать лишь он.

— К слову... просто к слову... — всё ещё сомневавшийся Ёсихико повернулся к Когане. — ...Каков твой заказ?

Когда он наконец задал вопрос, Когане сразу поднял просиявший взгляд.

— Решил наконец согласиться на должность?

— Не знаю, решил или нет... но подумал, что спросить стоит.

Трудно согласиться, когда тебе предлагают лишь роль замены. Однако Когане не хотел слышать этих отговорок и поставил вопрос ребром:

— Так решил или нет?!

— Хорошо, я согласен, согласен! Мне просто нужно работать, пока вы не отыщете замену, так?!

Даже если он станет временным лакеем, возможность продолжить дело деда казалась Ёсихико единственной правильной дорогой в жизни, за время которой он уже успел потерять и мечту, и работу.

— Хорошо, — услышав ответ Ёсихико, Когане вновь уселся ровно. — Мой заказ не так уж сложен.

И, после небольшой паузы, лис объявил:

— Как я уже говорил, людей, прославляющих богов на фестивалях, становится меньше, и из-за этого боги теряют свою силу. Мне нужно, чтобы ты придумал, как пробудить в людях Японии почтение и уважение к богам и осознание необходимости фестивалей.

Между Ёсихико и Когане просвистел порыв сентябрьского ветра.

— Э-э... что-то мне кажется, что такой заказ я выполнить не смогу... — Ёсихико отвёл взгляд и почесал затылок.

— Ч-что?! Ты отказываешься?! — Когане выпучил глаза.

— Я ведь не политик и не настолько харизматичен, чтобы повлиять на жителей всей Японии. К тому же я понятия не имею, как изменить психику людей так, чтобы они вновь начали проводить фестивали.

Когане глухо прорычал в ответ на объяснения Ёсихико. Тем не менее, Ёсихико считал, что не мог ответить по-другому. В конце концов, он лишь разочаровавшийся в жизни инвалид, который хоть и начал выбираться из дома, но так и не может найти работу. Его возможности сильно ограничены, ведь он не какая-нибудь девочка-волшебница.

— Хорошо, раз так, то для начала мне хватит и населения Киото. Уж повлиять на людей этого исторического города ты...

— А-а, нет-нет-нет. Я же сказал, это невозможно. У тебя нет никаких заказов, которые я мог бы исполнить сам, не вовлекая в это других людей? — Ёсихико перебил Когане и усел на

каменную ступень малого святилища.

Когане смотрел на него ошарашенным взглядом.

— Следи за своими словами! Ты не мог бы относиться ко мне, к богу, уважительнее?!

— Да-да, слушаюсь и повинуюсь... сойдёт?

— А-а ну стоп! Это был не заказ! — одёрнул Когане собеседника, уже готового кивнуть и закончить разговор.

Ёсихико обернулся и посмотрел на святилище, продолжая сидеть на каменной ступени. Он вновь убедился, что по сравнению с основным святилищем это совсем маленькое и неухоженное. Когане говорил, что провёл в уединении много лет, но сколько же точно времени он тут прожил? Если бы Ёсихико заперся в таком маленьком помещении, а затем, спустя годы, вышел наружу, у него наверняка скопилась бы уйма вещей, которые он хотел бы сделать.

— Так ты что, всё время тут жил? Разве тебе не хочется что-нибудь сделать или куда-нибудь сходить? Например... поесть чего-нибудь вкусенького? — пока Ёсихико говорил, он опустил взгляд и заметил за коробкой для подаяний брошенный журнал.

Когане сокрушённо вздохнул.

— Я — бог. Человеческая еда меня не интересует.

— ...Но почему-то у тебя из-за короба выглядывает «Справочник Киотского гурмана» с кучей следов от лап...

Повеяло чем-то неприятным.

— Это оставили посетители, — парировал Когане, стараясь поддерживать серьёзный вид, а Ёсихико принялся листать журнал и в итоге остановился на статье с заголовком «10 Киотских сладостей, которые обязательно нужно попробовать».

— ...И, тем не менее, на странице «Цудзири» я вижу кучу следов.

«Цудзири» — традиционное чайное кафе, основанное владельцами древнего одноимённого магазина удзийского [□]Удзи — город в префектуре Киото, известный местным особым сортом чая. В нём подают всевозможные десерты, приготовленные с использованием качественного тёртого чая Удзи, например, фруктовые салаты с данго [□]Данго — шарики моти на палочке. и мороженое. Но ничто в их меню не сравнится по популярности с парфе [□]Парфе — французский холодный десерт из замороженных сливок с ванилью и сахаром, а также

прочими разнообразными добавками. из тёртого чая, ради которого каждые выходные у входа в кафе выстраивается очередь.

— Хочешь, небось, парфе из тёртого чая...

— В-вовсе нет! Просто я случайно страницу в этом месте задевал лапой, но я совершенно не хочу его... — принялся оправдываться Когане, но тут молитвенник, лежавший сбоку от Ёсихико, начал тускло светиться.

Затем блокнот сам по себе открылся, а чернила, которыми написано имя Хоидзина, стали куда насыщеннее, словно кто-то ещё раз провел по ним кистью.

— П-подожди! Это был не искренний заказ!

Однако молитвенник проигнорировал поспешившего к нему Когане, и имя Хоидзина окончательно почернело.

— Высшие боги, я отказываюсь признавать это! Неужели вы вписали мое имя ради этого заказа?! — Когане вдруг встал на задние лапы и обратился к небу. — Немедленно отзовите решение!

Ёсихико и сам перевёл взгляд на небо.

— Э-э, получается, заказы ещё и одобряться должны?

До сих пор он думал, что бог, чьё имя всплыло в молитвеннике, может попросить всё, что пожелает, но, по всей видимости, это не так.

— Этот молитвенник создали старшие из богов. Именно они решают, какие заказы следует одобрить... но всё же!..

Когане сверлил небо взглядом, поскрипывая зубами. Но чернила глубоко въелись в бумагу молитвенника и как-либо меняться уже не собирались.

— ...Я, конечно, не знаю, что там думают высшие боги... — Ёсихико взял молитвенник и посмотрел на яркие символы. Эти сочные, отчетливые иероглифы, показались ему куда более живыми, чем раньше. — Но, может, смиришься уже?..

Вдоль святилища вновь пронёсся ветерок, думавший о чём-то своём.

Кафе «Цудзири» в Гионе расположено на улице Сидзё, которая тянется от великого храма Мацуо до храма Ясака. Оно находится совсем рядом с главной торговой улицей Киото — Ханамикодзи, пролегающей близ перекрёстка Сидзё-Каварамати. На этой улице столько исторических кафе и магазинов, что все туристы, посещающие Киото, заходят на неё хотя бы раз.

— Простите, что заставила ждать, вот ваше особое Цудзирийское парфе.

Ёсихико удалось сразу найти свободное место, не в последнюю очередь благодаря тому, что он пришёл в будний день. Он занял дальний столик у окна и уже скоро забрал у официантки заказанное парфе.

— Я не согласен... — проворчал Когане, севший напротив.

Судя по тому, что он, несмотря на все жалобы, соизволил прийти, Когане всё же равнодушен к этому месту.

Ёсихико наклонил голову к Когане, который делал вид, что равнодушно смотрит на парфе, и приглушённо сказал:

— Слушай, раз уж ты пришёл сюда, то прекрати жаловаться. Знаешь, сколько парню нужно храбрости, чтобы войти в такое кафе одному?

Почти все посетители кафе — девушки, а представители мужского пола если и встречаются, то только в сопровождении спутниц. Ёсихико оказался единственным парнем, пришедшим в заведение самим по себе.

Деревянные стол и стулья, а также решётка на окне оформлялись красивым геометрическим орнаментом, подчёркивающим атмосферу изысканного старинного заведения. Из-за этого в нём, в отличие от дешёвых городских кафе, не получалось расслабиться.

— Не хочешь — как хочешь, сам съем. Не зря же я самый дорогой десерт из меню заказал.

— Стой, я не говорил, что не буду, — сказал Когане и ударил лапой по руке Ёсихико, потянувшейся к ложке. — Ты купил его, несмотря на скромные финансы. Я не могу так просто отказаться.

С этими словами Когане ловко подтащил к себе парфе лапой.

— С древних времён люди жертвовали богам еду, а мы поглощали те мысли, которыми она наполнилась. Другими словами, мы можем с легкостью вкушать подношения, даже не пользуясь устами, но сейчас...

— А, ясно, тогда спасибо, — не дав Когане закончить, Ёсихико снял ложкой немного крема с тёртым чаем и поднес ко рту.

— Какого чёрта ты без спроса ешь?!

— Да ладно, дай попробовать. Платил-то за него я.

— Где это слыхано, чтобы человек ел подношение богам?!

— Но ты подумай хорошенько.

Пытаясь успокоить Когане, у которого аж шерсть дыбом встала, Ёсихико посмотрел по сторонам и заговорил на тон ниже. Когда Когане злился, то начинал разговаривать очень грубо, но пушистому лису весьма трудно выглядеть грозным.

— Если ты говоришь, что съешь лишь те «мысли», что я вложил в парфе из тёртого чая, то само-то оно останется. Нехорошо оставлять несъеденной вещь, за которую заплачено столько денег. Или боги считают, что к еде можно относиться пренебрежительно?

Ёсихико сыпал резонными аргументами, оправдывая долгие годы общения с искренне верующим другом. По ходу дела он ещё раз приложился к парфе и попробовал примешанные к нему сладкие каштаны. Когане смотрел на него с разинутым ртом, а затем застучал лапой по столу.

— Я не говорил о том, что можно относиться пренебрежительно! Как раз поэтому я и в самом деле собирался съесть его! А ты его у меня...

— Короче, есть ты всё-таки будешь? — Ёсихико недоверчиво посмотрел на лиса.

Почему бы ему просто не признать, что он будет есть, и дело с концом?

Когане быстро помолился, ловко хлопнув передними лапами[□]В синтоизме молитвы завершаются хлопком в ладоши., а затем, пока его вновь не обокрали, быстро укусил верхушку парфе.

— О!.. В-вот это блаженство! — уши Когане вздернулись, глаза широко раскрылись, а тело вздрогнуло так, словно его ударило током. — Столько лет я жил и не знал о том, что в мире людей есть настолько вкусные вещи!..

— Вот и хорошо. Заказ выполнен.

— Я же говорил, это не заказ!

— Ладно, вот тебе данго.

Ёсихико выудил из парфе белоснежный шарик и поднёс ложку к носу Когане. Это увидел один из парней, сидевших в кафе, и ошалело заморгал, когда шар бесследно исчез в воздухе.

— Какая неопиcуемая мягкость и приглушённая сладость!..

— А вот это — желе из тёртого чая.

— О-о-о, эта мягкая тёмно-зелёная смола отдаёт чайным ароматом!..

Каждый раз, когда ложка оказывалась во рту Когане, со стороны казалось, будто парфе неожиданно исчезает с неё. Ёсихико внимательно следил за тем, чтобы некоторые ложки доставались и ему. Если парфе будет каждый раз так пропадать, это может вызвать подозрения со стороны других посетителей. Ему хотелось, чтобы его просто сочли чудаком, который любит периодически махать ложками с парфе в воздухе.

— Ёсихико, не мог бы ты передать мне ещё ложку того зелёного бульона?!

— Какой ещё бульон?.. Это сироп. Ты мне аппетит портишь.

— И это мой каштан! Ты уже ел!

— А! Понял, понял! Не бесись.

После каждой ложки измазавшийся кремом лис возбуждённо рассказывал свои впечатления о том, что оказалось у него на языке. Ёсихико, наблюдавший за этим, в какой-то момент заметил, что мягко улыбается, чего с ним не случалось уже очень давно.

Вечером того же дня Ёсихико лежал дома в постели и рассматривал молитвенник, но был вынужден подняться из-за бесконечных соприкосновений шерсти с его кожей. Конечно, мягкий мех трогать приятно, но когда он так настырно лезет к тебе, то начинает мешать.

— Зачем ты ещё и домой ко мне пришёл?..

Рядом с Ёсихико, оккупировав половину его кровати, уснул похрапывающий Когане. Судя по тому, как иногда дёргались его лапы и хвост, он смотрел какой-то сон. После слов Ёсихико лис

снова взмахнул хвостом и попал ему по лицу.

— Пока не... исполнишь заказ как следует... не уйду... — повторил спящий Когане те же самые слова, которые беспрестанно выговаривал перед тем, как уснуть.

Похоже, он остался недоволен тем, что его заказом стало парфе с тёртым чаем, которым к тому же пришлось делиться с Ёсихико. Собственно, Ёсихико уже успел основательно поспорить с ним, имеет ли право лис говорить так после того, как поел со столь счастливым видом.

— Вот настырный... — с кислым видом отозвался Ёсихико, удивляясь тому, что Когане даже во сне стоит на своём.

Ёсихико ожидал, что после выполнения заказа в молитвеннике появится красная печать, как на страницах с поручениями, выполненными дедом, но этого не произошло. Значит, заказ ещё не выполнен?

— Хотя, погоди-ка...

Ёсихико пришла в голову идея, так что он вылез из кровати, спустился по лестнице, а затем достал из телефонной тумбочки красные чернила и вернулся обратно. Что, если печати рядом с именами божеств не вырисовываются сами, а проставляются богами-заказчиками? В таком случае заработать печать Когане удастся, только уговорив его.

Посмотрев на почему-то звучно храпящего и разлегшегося на его постели Когане, Ёсихико хитро ухмыльнулся. То, что он накормил лиса парфе, — неоспоримый факт. Поэтому чувства вины у него не появилось.

Следующее утро началось с гнева божественного лиса, увидевшего поверх своего имени ярко-красную печать, которую не ставил.

— А-а-ах ты! Какого чёрта ты без спроса поставил пече-а-ать?!

В тот день Ёсихико проснулся от того, что Когане безжалостно колотил его красной от чернил правой передней лапой.

<http://tl.rulate.ru/book/101717/4513702>